

word forming means by borrowing and calquing, which results in the international terminology fund formation; 3) formal and semantic connections as important systemic relations in a language that cause the use of affixal, non-affixal and combined means of forming special words from the original terms and their derivatives; 4) continuous enlarging of the perfumery and cosmetics terminology subsystem, developing of various structural forms (term modelling, contractions such as abbreviations, word modelling components) due to the necessity for naming new notions, phenomena, objects that are to be developed, specified and differentiated; 5) the formation of fixed two or three –component, multi-component attributive word combinations with or without a preposition. The correlation of the perfumery and cosmetics terminology in the Slavic and other languages, their internationalization leads to the development of typological tendencies in special subsystems of genetically related languages.

Key words: term, terminology, means of naming, perfumery and cosmetics terminology.

Статтю отримано 24.04.2020 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2020.33.206517>

УДК 811.161.1'42'373:821.161.1.Чехов.092

ВОРОБЬЁВА Ольга Александровна,

аспирант кафедры славянских языков Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды; ул. Валентиновская, 2, Харьков, 61168, Украина; тел.: +38 0965572917; e-mail: vorobjova.olga.2016@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-9124-0728

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАДИГМАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ЛЕКСИКИ ПРЕТЕКСТА В РЕМЕЙКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕМЕЙКОВ ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «ДАМА С СОБАЧКОЙ»)

Аннотация. *Цель* статьи — выявление и описание характерных признаков ремейка с точки зрения парадигматической организации его лексики в сопоставлении с организацией лексики первичного текста. *Объект* анализа — парадигматический строй ремейков в сравнении с парадигматическим строем первичного текста и особенности трансформации лексических парадигм в ремейках. *Предмет* исследования — ремейки В. С. Токаревой и Д. И. Рубиной на повесть А. П. Чехова «Дама с собачкой». В статье используются методы парадигматического и сопоставительного анализа. *Результат* исследования — выявленные различия в парадигматическом строе ремейков по сравнению с первичным текстом. Они заключаются в частичном упрощении парадигматического строя, изъятии некоторых парадигм первичного текста либо слиянии нескольких парадигм в одну. Также выявлены особенности трансформации в ремейках парадигматического строя первичного текста: сохраняются общие черты конфигурации парадигм при одновременном изменении конкретных способов построения данной конфигурации. Так, если в первичном тексте противопоставление парадигм выражается в последовательном чередовании их элементов, то элементы противопоставленных парадигм, сохраняющихся в ремейке, иначе расположены относительно друг друга. Их чередование обычно не последовательно, а хаотично, либо элементы одной парадигмы встречаются крайне редко по сравнению с элементами другой. Следовательно, при сохранении общего принципа конфигурации парадигм его способы воплощения различны. **Выводы.** При сохранении основных парадигм первичного текста и основного принципа их конфигурации ремейк трансформирует сами парадигмы и конкретные элементы конфигурации. За счёт подобных трансформаций идеи первичного текста могут значительно изменяться: вплоть до инверсии его изначального замысла. **Практическое применение** результатов работы заключается в дальнейшей исследовательской деятельности по выявлению основных черт вторичных текстов разного типа и поможет более чётко очертить границы между ними.

Ключевые слова: ремейк, первичный текст, парадигма, интертекстуальность, А. П. Чехов, В. С. Токарева, Д. И. Рубина.

Постановка проблемы. Одним из характерных признаков литературы второй половины XX — начала XXI в. является широкое использование приёмов интертекстуальности. Данный термин был введён Ю. Кристевой в её работе «Бахтин, слово диалог и роман». По мнению исследовательницы, «любой текст строится как мозаика цитации, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [3]. Позднее это понятие развивалось многими исследователями в области литературоведения, культурологии и семиотики, среди которых Р. Барт, Ж. Женетт, Н. Пьеге-Гро и др. Именно в контексте исследования феномена интертекстуальности внимание учёных привлекла такая специфическая форма её проявления, как вторичные тексты. Самое общее и ёмкое определение вторичных текстов даёт Л. Хатчен: исследовательница применяет этот термин к текстам, фабулы или мотивы которых «взяты откуда-то, не выдуманы и не изобретены». Тексты, в основе которых лежит оригинальный авторский замысел, называются первичными [12].

Специфической разновидностью вторичных текстов является ремейк. В статье принимается определение ремейка, предложенное М. В. Загидуллиной: «это переписывание известного текста, чаще всего — «перевод» классического произведения на язык современности. Отличие ремейка от

интертекстуальности литературы нового времени заключается в афишированной и подчёркнутой ориентации на один конкретный классический образец, в расчете на узнаваемость «исходного текста» (причём не отдельного элемента-аллюзии, а всего «корпуса» оригинала) [2]. В определении ремейка, приведённом в «Словаре литературоведческих терминов» делается акцент на наполнении ремейка новым, актуальным содержанием: «Обновлённая версия старого фильма, песни, а также литературное произведение, в основу которого положен хорошо известный текст. <...> Р. не цитирует и не пародирует источник, а наполняет его новым, актуальным содержанием, однако «с оглядкой» на образец» [5]. Эта характеристика ремейка представляется важной для определения его специфики в ряду других видов вторичных текстов — проблеме, которая относится к числу недостаточно разработанных. В статье Т. О. Холодинской «Ремейк и пародия: критерии разграничения в исследовательской парадигме XX века» [10] исследованы различия между ремейком и пародией. Автор делает вывод, что основное отличие ремейка от пародии заключается в исследовании материала первичного текста для построения нового текста, который обладает способностью восприниматься отдельно от первичного. Несмотря на то, что ремейк достаточно изучен с точки зрения социологии и культурологии [напр.: 4], многие его аспекты остаются неисследованными, в частности, особенности трансформации в ремейке лексической структуры первичного текста.

Анализ последних исследований. Кроме указанных выше работ, особенности связей первичного и вторичного текста подробно рассмотрены в работе О. Ю. Багдасарян «Теоретические подходы к изучению вторичных текстов» [1]; многие сделанные ею выводы применимы к ремейкам. Оригинальный подход к явлению ремейка демонстрирует М. В. Петрова в статье «Ремейк как социокультурный феномен» [4].

Несмотря на то, что ремейк хорошо изучен с точки зрения социологии и культурологии, многие его аспекты остаются неисследованными, в частности, особенности трансформации лексического материала первичного текста и изменение способов и приёмов создания образно-понятийных систем. Лингвистический аспект актуальности исследования ремейка заключается в выявлении особенностей организации его лексического материала.

Цели и задачи исследования. Целью данного исследования является выявление и описание характерных признаков ремейка с точки зрения парадигматической организации его лексики в сопоставлении с организацией лексики первичного текста. «Предметом описания становятся слова или более крупные текстовые отрезки, образующие системный ряд как определения одного или близких понятий или формирующие взаимосвязанные перцептивные образы в тексте или группе текстов. Система текстовых парадигм, т. е. гиперпарадигма, рассматривается как содержательная сторона текста, а процесс описания гиперпарадигмы как интерпретация текста» [8].

Изложение основного материала. В качестве материала для анализа было взято два произведения: повесть В. С. Токаревой «Антон, надень ботинки!» и рассказ Д. И. Рубиной «Область слепящего света». Оба рассказа являются ремейками повести А. П. Чехова «Дама с собачкой».

Выделим доминирующие (центральные, наиболее важные для понимания текста) парадигмы в первичном тексте.

Одной из важнейших парадигм чеховского текста является парадигма ЛЮБОВЬ, в состав которой входят лексемы и выражения *любовь, свидание, волнение, сердце у него сжалось, для него теперь на всём свете нет ближе, дороже и важнее человека, [Анна Сергеевна] была его горем, радостью, единственным счастьем, Анна Сергеевна привязывалась к нему всё сильнее, обожала его, За что она его любит так?* Данной парадигме в тексте противопоставляется одновременно две — СКУКА и ПОШЛОСТЬ. В состав первой входят такие слова и выражения: *скука, дотягиваю вторую неделю, скучно, пыль; Дети ему надоели, банк надоел, не хотелось никуда идти, ни о чём говорить; (пол был обтянут) серым солдатским сукном; чернильница, серая от пыли; забор, серый, длинный, с гвоздями; дешёвым серым, точно больничным, одеялом.* В свою очередь, парадигма ПОШЛОСТЬ представлена такими лексемами и выражениями, как (1) *А давеча вы были правы: осетрина-то с душком!* (2) *Какие дикие нравы, какие лица! Что за бестолковые ночи, какие неинтересные, незаметные дни! Неистовая игра в карты, обжорство, пьянство, постоянные разговоры всё об одном. Ненужные дела и разговоры всё об одном отхватывают на свою долю лучшую часть времени, лучшие силы, и в конце концов остаётся какая-то куца, бескрылая жизнь, какая-то чепуха, и уйти и бежать нельзя, точно сидишь в сумасшедшем доме или в арестантских ротах;* (3) *с вульгарною лорнеткой в руках;* (4) *под звуки плохого оркестра, дрянных обывательских скрипок;* (5) *О господи! И к чему эти люди, этот оркестр...* Можно предположить, что данные парадигмы разведены в тексте намеренно: СКУКА фокусируется на внутренних переживаниях героя, в то время как ПОШЛОСТЬ — на его окружении. Противопоставление парадигме ЛЮБВИ не одной, а двух парадигм с аналогичными функциями усиливает контраст и заостряет внимание читателя на противопоставлении эмоций, вызываемых любовным чувством, и ощущения обыденности повседневной жизни. Важно и то, как соотносятся друг с другом в лексическом плане сами парадигмы СКУКА и ПОШЛОСТЬ. Проанализировав их лексический состав, нетрудно увидеть сходство: внутреннее состояние героя и его восприятие внешнего мира практически не отличаются. Герой буквально окружён серостью и обыденностью жизни: она

не только снаружи, но и внутри. На таком фоне парадигма ЛЮБОВЬ проступает ещё контрастнее, усиливая эмоции читателя.

При рассмотрении повести В. С. Токаревой с точки зрения парадигматического устройства первое, что обращает на себя внимание — сращение парадигм СКУКА и ПОШЛОСТЬ в одну, которую можно условно назвать ПОВСЕДНЕВНОСТЬ. В её состав входят такие слова и выражения, как: (1) *У меня голова болит*; (2) *Лена достала таблетку*; (3) *Налила в стакан воду*; (4) *Лена начала разбирать чемодан. Развешивать в шкафу то, что должно висеть, и раскладывать по полкам то, что должно лежать*; (5) *А вокруг сидели люди. Работала буфетчица. Никто ничего не замечал.* Это в значительной степени упрощает ситуацию, которая в первичном тексте определялась противоречием между возвышающей любовью и обыденностью. Следует отметить, что слов и выражений, раскрывающих внутренний мир героев, в повести сравнительно немного: (1) *А «новые русские» — другая нация. Так же, как старые русские девятнадцатого века, — другая нация*; (2) *Что есть «мялки»? Сильные ладони жизни.* Внутренний мир героев показан скупо, отдельными несвязными штрихами, представляющими собой «мысли вслух» с явным присутствием авторского взгляда. Автор как бы озвучивает возможные мысли своих персонажей, однако не позволяет читателю взглянуть на мир их глазами. Необходимость в специальной парадигме, описывающей внутренний мир героев, отпадает, поскольку этот мир читателю практически не демонстрируют.

Что касается взаимоотношений и связей двух парадигм, то у В. С. Токаревой заметна любопытная тенденция к постепенному «утапливанию» парадигмы ЛЮБОВЬ в парадигме ПОВСЕДНЕВНОСТЬ. Показательным примером этого процесса может служить концовка повести, в которой ЛЮБОВЬ практически растворяется в ПОВСЕДНЕВНОСТИ, от неё в буквальном смысле остаётся всего одно слово: «Лена смотрела на него и не могла поверить: неужели из-за этого замшелого пня она хотела уйти из жизни... Хотя при чём тут он? Просто страх одиночества и жажда любви. В этом дело. Страх и жажда. А он ни при чём. Он — просто гастролёр. Поехал, выступил, показал своё искусство. И вернулся. И опять поехал, опять выступил. Такая работа». Подобный приём как бы «переворачивает» весь смысл повести Чехова, низводит высокое чувство до банального курортного романа; чувство побеждается бытом и растворяется в нём.

Что же касается рассказа Д. И. Рубиной «Область слепящего света», то в нём наблюдается следующая ситуация. Первое, что стоит отметить — это также упрощение парадигм СКУКА и ПОШЛОСТЬ и сведение их в одну, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: (1) *В нашем возрасте от постельных сцен требуешь наличия, по крайней мере, приличной постели*; (2) *бешеный подростковый озноб, сотрясавший обоих, был скорее температурного свойства. Выяснилось, что заболели оба — в те дни по Москве гулял заморский вирус*; (3) *Он поднялся, по-старушечьи накинув плед на плечи, побрёл в кухню*; (4) *Действительно подтекает*; (5) *кран был забыт навеки и подтекает, вероятно, до сих пор.* Любопытно отметить, что лексическими средствами этой парадигмы выражается также авторская ирония. Парадигма ЛЮБОВЬ формируется такими единицами как: *мгновенный блик лунного полулица*; *любовная жалоба*; *словно ей вдруг показали из-за ширмы того, кого давно потеряла и ждать уже зареклась*; *Она отшатнулась и слепыми руками стала ощупывать ручки кресла*; *пыталась унять потаённую дрожь колен*; *задала спешно слепленный вопрос.*

Отношения между парадигмами в данном тексте отличаются сложностью — элементы различных парадигм расположены весьма хаотично, порядок их появления непредсказуем:

«Она подошла туда, где его обступили, уточняя и доспоривая по докладу, коллеги, *задала спешно слепленный вопрос* (ЛЮБОВЬ). Он *рассеянно* (ПОВСЕДНЕВНОСТЬ) кивнул ей, договаривая что-то *маленькому толстяку аспиранту* (ПОВСЕДНЕВНОСТЬ), и вдруг резко оглянулся, ловя *обречённым взглядом* (ЛЮБОВЬ) её лицо. Она пошла к выходу, спиной чувствуя, как торопливо складывает он в папку материалы доклада, *ссытает слайды в пенал* (ПОВСЕДНЕВНОСТЬ) и *бросается следом* (ЛЮБОВЬ)».

Подобное «перемешивание» элементов различных парадигм в тексте не позволяет читателю предугадать, где будет расположена очередная точка пересечения парадигм, как именно они будут сочетаться. Вместо этого он вынужден крайне быстро переключаться с одной парадигмы на другую, поскольку меняются они очень резко — такая смена может произойти несколько раз на протяжении одного предложения (см. пример выше). Это способствует не противопоставлению парадигм ЛЮБОВЬ и ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, а напротив, сближает их и уравнивает по значимости. Хорошим примером может служить следующий отрывок:

«После чего *кран был забыт навеки и подтекает, вероятно, до сих пор.* Вернувшись, минут пять стоял в проёме двери, глядя, как она лежит *в бисере пота, в области слепящего зимнего света, бьющего через окна веранды*».

Конфликт между двумя парадигмами, формировавший напряжение прецедентного текста, снимается, напряжение пропадает; рассказ как бы с самого начала оказывается «в тупике», поскольку никакого развития — ни сюжетного, ни идейно-эмоционального — не происходит и не подразумевается. При этом автор как будто «обманывает» читателя внешне схожей фабулой, усугубляя это отсылками к прецедентному тексту: (1) *Подаль прогуливалась пожилая тётка с лямбдой изжелта*

болонкой; (2) — *Чему ты улыбаешься?* — спросил он хмуро. — А вон, ей... — сказала она, — даме с собачкой. Однако специфические межпарадигмальные связи и отношения — «перемешивание» элементов и нивелирование оригинального противопоставления парадигм — превращают рассказ в нечто идейно противоположное чеховскому тексту.

Выводы. Можно увидеть, что в текстах-ремейках исходные парадигмы первичного текста сохраняются, как сохраняется в общих чертах и их конфигурация. Однако сами парадигмы претерпевают изменения: несколько схожих по функциям парадигм сливаются в одну, изменяется их объём (ср. обширную парадигму ЛЮБОВЬ у А. П. Чехова и сравнительно бедную и невыраженную у В. С. Токаревой). Трансформации происходят и в конфигурации парадигм, а также в характере их связи между собой. Если основной принцип противопоставления «высокого» и «низкого» в проанализированных текстах сохраняется, то его воплощение в различных ремейках сильно отличается: у В. С. Токаревой изначально противопоставленные парадигмы в итоге практически сливаются друг с другом (точнее, одна поглощает другую), у Д. И. Рубиной противопоставление при более внимательном прочтении нивелируется за счёт специфического характера межпарадигмальной связи. Подобные метаморфозы способствуют генерации совершенно других смыслов вплоть до противоположных заложенным в первичном тексте. Таким образом, при сохранении основных парадигм первичного текста и основного принципа их конфигурации ремейк трансформирует сами парадигмы и конкретные элементы конфигурации.

Перспективы дальнейших исследований заключаются в расширенном и углубленном сопоставлении вторичных и первичных текстов разных видов, в том числе ремейков и их первичных текстов, что позволит уточнить существенные черты вторичных текстов разного типа и чётче очертить границы между ними.

Л и т е р а т у р а

1. Багдасарян О. Ю. Теоретические подходы к изучению вторичных текстов. *Филологический класс*. Екатеринбург, 2014. № 1 (35). С. 130–139.
2. Загидуллина М. В. Ремейки, или Экспансия классики. *Журнальный зал : НЛО*. 2004. № 69 : веб-сайт. URL : <http://old.magazines.russ.ru/nlo/2004/69/za13-pr.html> (дата обращения: 05.05.2020).
3. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман. *Французская семиотика : От структурализма к постструктурализму* / пер. с франц. Москва : Прогресс, 2000. С. 427–457.
4. Петрова М. В. Ремейк как социокультурный феномен. *Ярославский педагогический вестник*. Ярославль : ЯрГУ им. К. Д. Ушинского, 2009. № 3 (60). С. 165–169.
5. Ремейк. *Словарь литературоведческих терминов* : веб-сайт. URL : https://literary_criticism.academic.ru/319/рмейк/ (дата обращения: 05.05.2020).
6. Рубина Д. И. Область слепящего света. *Онлайн библиотека LoveRead.ec*: веб-сайт. URL : http://loveread.ec/read_book.php?id=1565&r=1#gl_1 (дата обращения: 05.05.2020).
7. Степанова С. Е. Языковые средства выражения социального статуса персонажей в произведениях А. П. Чехова. *Мова : науково-теоретичний часопис з мовознавства*. Одеса : Астропринт, 2018. № 29. С. 19–27. DOI : <http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2018.29.139384/>
8. Степанченко И. И., Гончар Е. В., Мирошниченко М. П. и др. С. Есенин и его окружение : А. Мариенгоф – Н. Клюев – С. Клычков : Сопоставительный анализ лексики. Под науч. ред. И. И. Степанченко : Коллективная монография. Харьков : Издатель Иванченко И. С., 2016. 240 с.
9. Токарева В. С. Антон, надень ботинки! *Онлайн библиотека LoveRead.ec*: веб-сайт. URL : http://loveread.ec/read_book.php?id=49878&r=20#gl_3 (дата обращения: 05.05.2020).
10. Холодинская Т. О. Ремейк и пародия : критерии разграничения в исследовательской парадигме XX века. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов : Грамота, 2016. № 4 (58) : в 3-х ч. Ч. 2. С. 58–61.
11. Чехов А. П. Дама с собачкой. *Интернет-библиотека Алексея Комарова* : веб-сайт. URL : <https://ilibrary.ru/text/976/p.1/index.html> (дата обращения: 05.05.2020).
12. Hutcheon L. A Theory of Adaptation. New York & London : Routledge, 2006. VI, 273 p.

References

1. Bagdasaryan, O. Ju. (2014), «Theoretical approaches to the study of secondary texts», *Philological class* [«Teoreticheskie podkhody k izucheniyu vtorichnykh tekstov», *Filologicheskiiy klass*], Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, № 1 (35), pp. 130–139.
2. Zagidullina, M. (2004), «Remakes, or Expansion of the classics», *Journal Hall : NLO* [«Remeyki, ili Ekspansiya klassiki», *Zhurnal'nyy zal : NLO*], № 69, available at : <http://old.magazines.russ.ru/nlo/2004/69/za13-pr.html/> (accessed 23 February 2020).
3. Kristeva, Yu. (2000), «Bakhtin, the word dialogue and novel», *French semiotics : From structuralism to poststructuralism* [«Bakhtin, slovo, dialog i roman», *Frantsuzskaya semiotika : Ot strukturalizma k poststrukturalizmu*], Progress Publishing House, Moscow, pp. 427–457.
4. Petrova, M. V. (2009), «Remake as a sociocultural phenomenon», *Yaroslavl Pedagogical Bulletin* [«Remeyk kak sotsiokul'turnyy fenomen», *Jaroslavskiy pedagogicheskiiy vestnik*], Yaroslavl State Pedagogical University Press, Yaroslavl, № 3 (60), pp. 165–169.
5. «Remake». *Dictionary of literary terms*, available at : https://literary_criticism.academic.ru/319/рмейк/ (accessed 25 February 2020).

6. Rubina, D. (2006), *Area of blinding light [Oblast' slepyashchego sveta]*, Online library LoveRead.ec, available at : http://loveread.ec/read_book.php?id=1565&p=1#gl_1/ (accessed 26 February 2020).

7. Stepanova, S. Ie. (2018), «Language means of expression of the social status of characters in the works of Anton Chekhov», *Mova / Language* [«Yazykovyye sredstva vyrazheniya sotsial'nogo statusa personazhey v proizvedeniyakh A. P. Chekhova», *Mova : naukovо-teoretichnyi chasopys z movoznavstva*], Odessa I. I. Mechnikov National University, Astropint publishing house, Odessa, vol. 29, pp. 19–27. DOI : <http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2018.29.139384/>

8. Stepanchenko, I. I. (ed.), Gonchar, Ye. V., Miroshnichenko, M. P. and others (2016), *Sergey Yesenin and his entourage : A. Mariengof — N. Klyuev — S. Klychkov. Comparative analysis of vocabulary [S. Esenin i yego okruzhenie : A. Mariengof — N. Klyuev — S. Klychkov. Sopostavitel'nyy analiz leksiki]*, Ivanchenko I. S. Publisher, Kharkov, 240 s.

9. Tokareva, V. (2015), *Anton, put on your boots! [Anton, naden' botinki!]*, Online library LoveRead.ec, available at : http://loveread.ec/read_book.php?id=49878&p=20#gl_3/ (accessed 20 February 2020).

10. Holodinskaya, T. O. (2016), «Remake and parody : demarcation criteria in the research paradigm of the XX century», *Philological sciences. Questions of theory and practice* [«Remejk i parodiya : kriterii razgranicheniya v issledovatel'skoy paradigme XX veka», *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*], Gramota Publishing House, Tambov, No. 4 (58), vol. 2, pp. 58–61.

11. Chekhov, A. (1899), *The Lady with the Dog [Dama s sobachkoy]*, Internet library of Alexey Komarov, available at : <https://ilibrary.ru/text/976/p.1/index.html/> (Date of treatment 02.18.2020)

12. Hutcheon, L. (2006), *A Theory of Adaptation*, Routledge, New York and London, VI, 273 p.

ВОРОБІЙОВА Ольга Олександрівна,

аспірантка кафедри зарубіжної літератури та слов'янських мов Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди; вул. Валентинівська, 2, Харків, 61168, Україна, тел.: +38 0965572917; e-mail : vorobjova.olga.2016@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9124-0728

ТРАНСФОРМАЦІЯ ПАРАДИГМАТИЧНОГО УСТРОЮ ЛЕКСИКИ ПРЕТЕКСТА В РЕМЕЙКАХ (НА МАТЕРІАЛІ РЕМЕЙКІВ ПОВІСТІ А. П. ЧЕХОВА «ДАМА З СОБАЧКОЮ»)

Анотація. *Мета* статті — виявлення й опис характерних ознак ремейка з точки зору парадигматичної організації його лексики в зіставленні з організацією лексики первинного тексту. *Об'єкт* аналізу — парадигматичний устрій ремейків у порівнянні з парадигматичним устроєм первинного тексту і особливості трансформації лексичних парадигм у ремейках. *Предмет* дослідження — ремейки В. Токаревої і Д. Рубіної на повість А. П. Чехова «Дама з собачкою». У статті використано методи парадигматичного та зіставного аналізу. *Результат* дослідження — виявлення відмінностей у парадигматичному устрої ремейків у порівнянні з первинним текстом, які полягають у частковому спрощенні парадигматичного ладу, вилучення деяких парадигм первинного тексту або злиття декількох парадигм в одну. Також виявлено особливості трансформації парадигматичного устрою первинного тексту в ремейках, які полягають у збереженні спільних рис конфігурації парадигм, але за умови зміни конкретних способів побудови цієї конфігурації. Якщо в первинному тексті парадигми протиставлені, що виражається в послідовному чергуванні їхніх елементів, то в ремейку зберігається протиставлення, однак елементи протилежних парадигм інакше розташовані один до одного. Чергування елементів не послідовне, а хаотичне, або чергування асиметричне: елементи однієї парадигми зустрічаються вкрай рідко щодо кількості елементів іншої. Отже, зберігається загальний принцип конфігурації парадигм, проте способи втілення цього принципу значно відрізняються. **Висновки.** За умови збереження основних парадигм первинного тексту й основного принципу їх конфігурації ремейк трансформує самі парадигми і конкретні елементи конфігурації. За рахунок таких трансформацій ідеї первинного тексту можуть значно змінюватися аж до інверсії початкового задуму первинного тексту. *Практичне застосування* результатів роботи полягає в подальшій дослідницькій діяльності щодо виявлення суттєвих рис вторинних текстів різного типу та допоможе більш чітко окреслити межі між ними.

Ключові слова: ремейк, первинний текст, парадигма, інтертекстуальність, А. П. Чехов, В. С. Токарева, Д. І. Рубіна.

Olga A. VOROBYEVA,

PG student of H. S. of Foreign Literature and Slavic Languages Department, Skovoroda Kharkov National Pedagogical University; 2 Valentynovskaya st., Kharkov, 61168, Ukraine; tel.: +38 0965572917; e-mail: vorobjova.olga.2016@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9124-0728

TRANSFORMATION OF THE PARADIGMATIC STRUCTURE OF VOCABULARY OF PRETEXT IN REMAKES (BASED ON THE MATERIAL OF REMAKES OF THE STORY BY A. P. CHEKHOV «THE LADY WITH THE DOG»)

Summary. The *purpose* of this article is to identify and describe the characteristic features of a remake from the point of view of the paradigmatic organization of its vocabulary in comparison with the organization of the vocabulary of primary text. The *object* of analysis is the paradigmatic structure of remakes in comparison with paradigmatic structure of the primary text and features of the transformation of lexical paradigms in remakes. The *subject* of this research is remakes of V. S. Tokareva and D. I. Rubina on the story of A. P. Chekhov «A Lady with a Dog». The article uses the methods of paradigmatic and comparative analysis. The *result* of the study is the revealed differences in the paradigmatic structure of remakes compared to the primary text, consisting in a partial simplification of the paradigmatic structure, the removal of some paradigms of the primary text, or the merging of several paradigms into one. Also revealed are Features of the transformation of the paradigmatic structure of the primary text in remakes, which consist in preserving the general features of the paradigm configuration, but changing specific methods for constructing this configuration are revealed also. In particular, if the original text has a paradigm contrast, expressed in a sequential alternation of opposed paradigms ele-

ments, the remake is preserved, however, the elements of opposite paradigms are differently located relative to each other. So, their alternation is not sequential, but chaotic, or the elements of one paradigm are extremely rare with respect to the number of elements of another. Thus, the general principle of paradigm configuration is preserved, however, the ways of implementing this principle are significantly different. **Findings.** While maintaining the basic paradigms of the primary text and the basic principle of their configuration, the remake transforms the paradigms themselves and specific configuration elements. Due to such transformations, the ideas of the primary text can change significantly up to the inversion of the original intent of the primary text. **The practical application** of the research results consists in the ability to identify the essential features of secondary texts of various types, to more clearly outline the boundaries between them.

Key words: remake, primary text, paradigm, intertextuality, A. P. Chekhov, V. S. Tokareva, D. I. Rubina.

Статтю отримано 10.05.2020 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2020.33.206536>

УДК 811.161.2'373.46'374:72«18/19»

ДУМАНСЬКА Лариса Борисівна,

старший викладач кафедри мовної підготовки ЦПС для зарубіжних країн Одеської державної академії будівництва та архітектури; вул. Дідріхсона, 4, м. Одеса, 65029, Україна; +38 098 3005423; e-mail: dumanskaularisa@ukr.net; ORCID ID: 0000-0002-0933-4360

СТЕПАНЮК Галина Миколаївна,

приват-доцент кафедри мовної підготовки ЦПС для зарубіжних країн Одеської державної академії будівництва та архітектури; вул. Дідріхсона, 4, м. Одеса, 65029, Україна; +38 097 2706963; e-mail: user35524@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-3911-641X

ФІКСАЦІЯ УКРАЇНСЬКОЇ АРХІТЕКТУРНОЇ ТЕРМІНОЛОГІЇ В ЛЕКСИКОГРАФІЧНИХ ДЖЕРЕЛАХ ХІХ–ПОЧ. ХХ СТ.

Анотація. *Метою* цього наукового дослідження є аналіз відображення архітектурної лексики в українських лексикографічних джерелах ХІХ — поч. ХХ ст. *Вибір теми* дослідження зумовлений практичними потребами суспільства, оскільки термінологія архітектури функціонує на сучасному етапі як цілком сформована мікросистема, яка вимагає подальшої роботи над упорядкуванням, стандартизацією та уніфікацією терміноодиниць. Оскільки аналізована термінологія не піддавалася лексикографічному описові, *об'єктом* дослідження стали тлумачні та перекладні, загальні й термінологічні словники ХІХ — поч. ХХ ст. *Предметом* дослідження є українська архітектурна термінологія як одна з підсистем української наукової термінології, зафіксована у словниках ХІХ — поч. ХХ ст. Аналіз досліджуваного матеріалу здійснено переважно описовим *методом*, який реалізовано способами класифікації, лінгвістичного спостереження над функціонуванням термінів у лексикографічних та термінографічних джерелах. Активізація процесу формування української архітектурної термінології припадає на ХІХ — поч. ХХ ст. У цей період досліджувалися як теоретичні, так і прикладні аспекти термінознавства, зокрема створювалися перекладні та тлумачні словники, які фіксували термінологічну та професійну лексику. Зроблено *висновки*, що лексикографічні праці цього періоду є багатим джерелом української архітектурної термінології, цінними пам'ятками української лексикографії етапу зародження та формування, оскільки було вироблено засади мовного планування термінології сфери архітектури. Зібраний та опрацьований матеріал може бути задіяний в укладанні лексикографічних джерел, зокрема термінологічних, у подальшому впорядкуванні сучасної української архітектурної термінології. Це сприятиме підвищенню статусу термінології архітектури в суспільному житті та забезпеченню належного рівня комунікації в цій науково-професійній галузі.

Ключові слова: лексикографія, архітектурний термін, українська архітектурна термінологія, термінографія.

Постановка наукової проблеми та її актуальність. У сучасній мовознавчій науці спостерігається період активного наукового дослідження формування та розвитку української термінологічної лексики, оскільки терміни є результатом наукового процесу пізнання, фіксації досягнень людства. На формування наукової термінології мають вплив як мовні фактори, так і позамовні, що зумовлено конструюванням цілісної системи інформації носіями мови на певному зрізі історичного розвитку суспільства, станом національної науки, техніки, культури, пошуком нових стратегій, які відповідно відбиваються на розвитку наукової термінології. Сучасні термінологічні студії передбачають вивчення процесів формування, творення та функціонування термінологічних систем, їх уніфікації, опис засобів номінації у відповідних терміносистемах. На особливу увагу заслуговує українська архітектурна термінологія — цілісна терміносистема, що відображає поняття архітектури як невід'ємної частини культури українського народу. Актуальність обраної теми полягає в потребі всебічного аналізу процесу формування української архітектурної термінології, систематизації, уніфікації та опису термінів архітектури, зафіксованих у лексикографічних джерелах, зокрема у словниках ХІХ — поч. ХХ ст.